

Рассказы К.Д. Ушинского

3 класс

«Лес и ручей»

Пробегая по влажной лесной темноте, посреди болот и мхов, ручей жалобно роптал, что лес закрывает от него и ясное небо, и далёкую окрестность, не пропускает к нему ни ярких лучей солнца, ни шаловливого ветерка.

— Хотя бы пришли люди и вырубали этот несносный лес! — журчал ручей.

— Дитя моё! — кротко отвечал ему лес. — Ты ещё мал и не понимаешь, что моя тень хранит тебя от иссушающего действия солнца и ветра, что без моей защиты высохли бы быстро твои ещё слабые струи. погоди, наберись прежде силы под моей тенью, и тогда ты выбежишь на открытую равнину, но уже не слабым ручейком, а могучей рекой. Тогда, без вреда для себя, будешь отражать ты в своих струях блестящее солнце и ясное небо, будешь безопасно играть с могучим ветром.

«Пчёлы и мухи»

Поздней осенью выдался славный денёк, какие и весной на редкость: свинцовые тучи рассеялись, ветер улёгся, солнце выглянуло и смотрело так ласково, как будто прощалось с поплёкшими растениями. Вызванные из ульев светом и теплом мохнатые пчёлки, весело жужжа, перелетали с травки на травку, не за мёдом (его уже нигде было взять), а так себе, чтобы повеселиться и порасправить свои крылышки.

— Как вы глупы со своим весельем! — сказала им муха, которая тут же сидела на травке, пригорюнясь и опустив нос. — Разве вы не знаете, что солнышко это только на минуту и что, наверное, сегодня же начнётся ветер, дождь, холод и нам всем придётся пропадать.

— Зум-зум-зум! Зачем же пропадать? — отвечали мухе весёлые пчёлки. — Мы повеселимся, пока светит солнышко, а как наступит непогода, спрячемся в свой тёплый улей, где у нас за лето припасено много мёду.

«Орёл и Кошка»

За деревней весело играла кошка со своими котятками. Весеннее солнышко грело, и маленькая семья была очень счастлива. Вдруг откуда ни возьмись — огромный степной орёл: как молния, спустился он с вышины и схватил одного котёнка. Но не успел ещё орёл подняться, как мать вцепилась уже в него. Хищник бросил котёнка и схватился со старой кошкой. Закипела битва на смерть. Могучие крылья, крепкий клюв, сильные лапы с длинными кривыми когтями давали орлу большое преимущество: он рвал кожу кошки и выклевал ей один глаз. Но кошка не потеряла мужества, крепко вцепилась в орла когтями и перекусила ему правое крыло.

Теперь уже победа стала клониться на сторону кошки; но орёл всё ещё был очень силён, а кошка уже устала; однако же она собрала свои последние силы, сделала ловкий прыжок и повалила орла на землю. В ту же минуту откусила она ему голову и, забыв свои собственные раны, принялась облизывать своего израненного котёнка.

«История одной яблоньки»

I

Росла в лесу дикая яблоня; осенью упало с неё кислое яблоко. Птицы склевали яблоко, поклевали и зёрнышки.

Одно только зёрнышко спряталось в землю и осталось.

Зиму пролежало зёрнышко под снегом, а весной, когда солнышко пригрело мокрую землю, зерно стало прорастать: пустило вниз корешок, а кверху выгнало два первых листика. Из промеж листочков выбежал стебелёк с почкой, а из почки, наверху, вышли зелёные листики. Почка за почкой, листик за листиком, веточка за веточкой — и лет через пять хорошенькая яблонька стояла на том месте, где упало зёрнышко.

Пришёл в лес садовник с заступом, увидел яблоньку и говорит: «Вот хорошее деревцо, оно мне пригодится».

Задрожала яблонька, когда садовник стал её выкапывать, и думает: «Пропала я совсем!» Но садовник выкопал яблоньку осторожно, корешков не повредил, перенёс её в сад и посадил в хорошую землю.

II

Загордилась яблонька в саду: «Должно быть, я редкое дерево, — думает она, — когда меня из лесу в сад перенесли», — и свысока посматривает вокруг на некрасивые пеньки, завязанные тряпочками; не знала она, что попала в школу.

На другой год пришёл садовник с кривым ножом и стал яблоньку резать.

Задрожала яблонька и думает: «Ну, теперь-то я совсем пропала».

Срезал садовник всю зелёную верхушку деревца, оставил один пенёк, да и тот ещё расщепил сверху; в трещину воткнул садовник молодой побег от хорошей яблони; закрыл рану замазкой, обвязал тряпочкой, обставил новую прищепку колышками и ушёл.

III

Прихворнула яблонька; но была она молода и сильна, скоро поправилась и срослась с чужой веточкой.

Пьёт веточка соки сильной яблоньки и растёт быстро: выкидывает почку за почкой, лист за листком, выгоняет побег за побегом, веточку за веточкой, и года через три зацвело деревцо бело-розовыми душистыми цветами.

Опали бело-розовые лепестки, и на их месте появилась зелёная завязь, а к осени из завязи сделались яблоки; да уж не дикие кислицы, а большие, румяные, сладкие, рассыпчатые!

И такая-то хорошенькая удалась яблонька, что из других садов приходили брать от неё побеги для прищеп.

«Любопытство»

Павлуша. (с любопытством). Что это там у тебя в переднике, Лиза.

Лиза. А тебе это очень нужно знать?

Павлуша.(шутя). Покажи же, а не то я насильно посмотрю.

Лиза. Ничего там нет.

Павлуша. Неправда: ты что-то прячешь от меня. Покажи, пожалуйста, покажи.

Лиза. Не тронь: может быть, это подарок тебе к Новому году.

Павлуша. Как? Что? Подарок к Новому году? Покажи же, душечка-сестрица, покажи, что там такое (хочет вырвать передник из рук сестры, но Лиза не даёт). Скажи, по крайней мере, что это такое? Верно, кошелёк? Не правда ли, кошелёк?

Лиза. Зачем тебе кошелёк; разве я тебе не вывязала кошелька?

Павлуша. Что ж бы это было такое? Ах, знаю: ты связала мне шарфик.

Лиза. У тебя два шарфика. На что же тебе третий?

Павлуша. Как ты меня мучишь, сестрица! Какая ты скрытная!

Лиза. Какой ты любопытный!

Павлуша. Знаю, знаю. Это, верно, батюшка купил мне что-нибудь к Новому году, какая-нибудь игрушка?

Лиза. Может быть, батюшка и купил тебе что-нибудь, но ты знаешь, как он не любит, чтобы угадывали заранее его подарки.

Павлуша. Да я ему не скажу и в Новый год притворюсь, как будто ничего не знаю.

Лиза. Я и не знала, что ты умеешь так притворяться. Покажи же, как ты это сделаешь.

Павлуша. Уж сделаю как-нибудь, но помоги мне, пожалуйста, отгадать, что там у тебя такое. Что-нибудь из царства растительного?

Лиза. Нет.

Павлуша. Из царства животного?

Лиза. Нет.

Павлуша. Из царства минерального?

Лиза. Нет.

Павлуша. Теперь тебя поймал: конечно, нет в твоём переднике чего-нибудь из царства духов.

Лиза. Конечно, нет! (Опускает со смехом передник и показывает, что в руках у неё ничего нет.) К какому царству принадлежит ничто!

Павлуша. Ах ты плутовка! Зачем же ты так таинственно закрывала руки передником, как будто бы у тебя и Бог знает что такое?

Лиза. Мне просто было холодно без перчаток; а ты сам себя наказал своим любопытством.

Павлуша. Хорошо, хорошо, но, знаешь ли, что я скажу тебе, Лиза. В другой раз ты меня так не проведёшь.

«Спор воды с огнем»

Огонь и вода заспорили между собой, кто из них сильнее. Спорили долго, дрались даже. Огонь донимал воду своим пламенным языком, вода, шипя от злости, заливала расходившееся пламя, но спора решить не могли и выбрали себе в судьи ветер.

— Ветер-ветрило, — сказал судье огонь, — ты носишься по целому свету и знаешь, что в нем делается. Тебе лучше, чем кому-нибудь, известно, как я обращаю в пепел целые селения и города, как своими все уничтожающими объятиями обхватываю необозримые степи и непроглядные леса, как пламя мое рвется к облакам и как бежит передо мною в ужасе все живое — и птица, и зверь, и бледный дрожащий человек. Уйми же дерзкую воду и заставь ее признать мое первенство.

— Тебе известно, могучий ветер, — сказала вода, — что я не только наполняю реки и озера, но и бездонные пропасти морей. Ты видал, как я кидаю, будто щепки, целые стаи кораблей и хороню в моих волнах несметные сокровища и дерзких людей, как мои реки и ручьи вырывают леса, топят жилища и скот, а мои морские волны заливают не то что города и села, но целые страны. Что может сделать бессильный огонь с каменной скалою? А я уже много таких скал источила в песок и засыпала им дно и берега моих морей.

— Все, чем хвастаетесь, — сказал ветер, — обнаруживает только вашу злость, но еще не вашу силу. Скажите мне лучше, что вы оба делаете доброго, и тогда, быть может, я решу, кто из вас сильнее.

— О, в этом отношении, — сказала вода, — нельзя огню и спорить со мною. Не я ли даю питье и животным, и человеку? Может ли без моих капель прозябать самая ничтожная травка? Где нет меня, там только песчаная пустыня, и сам ты, ветер, поешь в ней печальную песню. Без огня могут жить во всех теплых странах, но без воды ничто жить не может.

— Ты забыла одно, — возразил соперник воды, — ты забыла, что и в солнце горит огонь, а что могло бы жить без солнечных лучей, несущих повсюду и свет, и тепло? Там, куда я редко заглядываю, ты сама плаваешь мертвыми глыбами льда посреди пустынного океана. Где нет огня, там нет жизни.

— А много ли жизни даешь ты в африканских пустынях? — спросила злобно вода. — Ты жжешь там целый день, а жизни нет как нет.

— Без меня, — сказал огонь, — вся земля была бы безобразною замерзшею глыбою.

— Без меня, — сказала вода, — земля была бы глыбою бездушного камня, сколько бы ни жег ее огонь.

— Довольно, — решил ветер, — теперь дело ясное: поодиночке вы оба можете приносить только вред и оба одинаково бессильны на доброе дело. Силен же только тот, кто заставил вас да и меня также повсюду бороться друг с другом и в этой борьбе служить великому делу жизни.

4 класс

«Наше Отечество»

Наше отечество, наша родина — матушка Россия. Отечеством мы зовём Россию потому, что в ней жили испокон веку отцы и деды наши. Родиной мы зовём её потому, что в ней мы родились. В ней говорят родным нам языком, и всё в ней для нас родное; а мать — потому, что она вскормила нас своим хлебом, напоила своими водами, выучила своему языку, как мать она защищает и бережёт нас от всяких врагов.

Велика наша Родина-мать — святорусская земля! От запада к востоку тянется она почти на одиннадцать тысяч вёрст; а от севера к югу на четыре с половиною. Не в одной, а в двух частях света раскинулась Русь: в Европе и в Азии...

Много есть на свете, и кроме России, всяких хороших государств и земель, но одна у человека родная мать — одна у него и родина.

«Четыре желания»

Митя накатался на саночках с ледяной горы и на коньках по замерзшей реке, прибежал домой румяный, веселый и говорит отцу:

— Уж как весело зимой! Я бы хотел, чтобы все зима была.

— Запиши твое желание в мою карманную книжку, — сказал отец.

Митя записал.

Пришла весна.

Митя вволю набегался за пестрыми бабочками по зеленому лугу, нарвал цветов, прибежал к отцу и говорит:

— Что за прелесть эта весна! Я бы желал, чтобы все весна была.

— Отец опять вынул книжку и приказал Мите записать свое желание.

Настало лето.

Митя с отцом отправились на сенокос. Весь длинный день веселился мальчик: ловил рыбу, набрал ягод, кувыркался в душистом сене, а вечером сказал отцу:

— Вот уж сегодня я повеселился вволю! Я бы желал, чтобы лету конца не было.

И это желание Мити было записано в ту же книжку.

Наступила осень.

В саду собирали плоды — румяные яблоки и желтые груши. Митя был в восторге и говорил отцу:

— Осень лучше всех времен года! Тогда отец вынул свою записную книжку и показал мальчику, что он то же самое говорил и о весне, и о зиме, и о лете.

«Как рубашка в поле выросла»

I

Видела Таня, как отец её горстями разбрасывал по полю маленькие блестящие зёрна, и спрашивает:

— Что ты, тятя, делаешь?

— А вот сею ленок, дочка; вырастет рубашка тебе и Васютке.

Задумалась Таня: никогда она не видела, чтобы рубашки в поле росли.

Недели через две покрылась полоска зелёной шелковистой травкой и подумала Таня: «Хорошо, если бы у меня была такая рубашечка».

Раза два мать и сёстры Тани приходили полоску полоть и всякий раз говорили девочке:

— Славная у тебя рубашечка будет!

Прошло ещё несколько недель: травка на полоске поднялась, и на ней показались голубые цветочки.

«У братца Васи такие глазки, — подумала Таня, — но рубашечек таких я ни на ком не видала».

Когда цветочки опали, то на место их показались зелёные головки. Когда головки забурели и подсохли, мать и сёстры Тани повыдергали весь лён с корнем, навязали снопиков и поставили их на поле просохнуть.

II

Когда лён просох, то стали у него головки отрезывать, а потом потопили в речке безголовые пучки и ещё камнем сверху завалили, чтобы не всплыл.

Печально смотрела Таня, как её рубашечку топят; а сёстры тут ей опять сказали:

— Славная у тебя, Таня, рубашечка будет.

Недели через две вынули лён из речки, просушили и стали колотить, сначала доской на гумне, потом трепалом на дворе, так что от бедного льна летела кострика во все стороны. Вытрепавши, стали лён чесать железным гребнем, пока не сделался мягким и шелковистым.

— Славная у тебя рубашка будет, — опять сказали Тане сёстры. Но Таня подумала:

«Где же тут рубашка? Это похоже на волоски Васи, а не на рубашку».

III

Настали длинные зимние вечера. Сёстры Тани надели лён на гребни и стали из него нитки прясть.

«Это нитки, — думает Таня, — а где же рубашечка?»

Прошли зима, весна и лето, настала осень. Отец установил в избе кросна, натянул на них основу и начал ткать. Забегал проворно челнок между нитками, и тут уж Таня сама увидела, что из ниток выходит холст.

Когда холст был готов, стали его на морозе морозить, по снегу расстилать, а весной расстиляли его по траве, на солнышке, и взбрызгивали водой. Сделался холст из серого белым, как кипень.

Настала опять зима. Накроила из холста мать рубашек; принялись сёстры рубашки шить и к рождеству надели на Таню и Васю новые белые как снег рубашечки.